

Аветисян Гаяне

Улица

На этой улице не бывает шумной суеты даже в праздничные дни. Она поднимается от основной автомагистрали наверх к тупику, за которым виднеется заброшенный завод. Улицу можно пройти минут за двадцать от начала до конца. Она застроена пятиэтажками. Кажется, здесь заканчивается город.

Теперь весна, середина мая. В предвечерние часы улицу заливают мягкий свет, и пахнет сиренью. Улица тихая, только чьи-то каблучки беспокойно стучат возле маленького бара, каблучки милой девушки. Таких девушек принято считать веселыми, но у нее грустные глаза. Говорят, что они пользуются вниманием некоторых мужчин, но ведь улица тихая, редко кто заглянет в бар. Девушке трудно, денег не хватает. Об этом рассказывает соседка девушки: «Ведь такая милая, скромная. Кто бы мог подумать? Ей бы выучиться, получить профессию. Ничему хорошему улица не научит». Ей поддакивают другие: «Когда женщина работает, ей незачем терпеть возле себя мужчину. Сама себя прокормит».

У девушки был жених, который доставил ей много огорчений, и когда они расстались – улица приняла ее. Она позаботилась о ее нарядах. Теперь у девушки модные туфли цвета хаки и большая кожаная сумка, в которой есть французские духи, помада, тональный крем. Однажды в бар завезли чешское пиво, посетителей стало побольше, и у девушки появились золотые сережки. Это обстоятельство послужило предметом зависти.

– С раннего утра мою полы и протираю окна, а что за это получаю? Гроши!

– А я? Стою в магазине до позднего вечера, отпускаю товар в долг и не знаю, отдадут ли.

– А мне какво? Муж не работает второй месяц. Дармоед. Две руки, две ноги, а работу найти не может. Настоящий мужчина должен работать.

– Эх, была бы помоложе...

– Замолчи! Даже думать не смей.

– Это почему? За гроши работают дураки. Я в прислугах уже второй год. Если бы видели, как живут хозяева! В настоящих хоробах. И никто в этом доме не работает. Деньги крутятся в заокеанских банках.

– Так ведь не у всех родственники богатые.

– Грошовая работа – удел бедных, что и говорить.

По улице проходят две женщины. Они останавливают прохожих, вежливо улыбаются, задают вопросы: «Почему мир несправедлив? Как вы представляете царство божье?». Прохожие в растерянности. Они ничего не понимают. Кто-то делает вид, что торопится, кто-то сердится. Улица не для того, чтобы рассуждать о царстве божьем. Все это кажется подозрительным.

Рядом с баром маленькая парикмахерская. Она появилась на месте старой аптеки, которая когда-то занимала часть территории детского сада. Лучше бы остался детский сад. Улица, как и прежде, наполнилась бы детским смехом. Теперь детишки сидят дома возле телевизоров и компьютеров, редко кто выходит на улицу. Разве что маленький Гуго, у которого нет ни телевизора, ни компьютера, ни игрушек. Он с раннего утра торчит возле булочной. Сюда приходит Сильвия, приносит горячие булочки с корицей. Одну булочку протягивает мальчику: «Возьми, поешь; знаю, что голодный, знаю, что сирота».

Сильвия сдает комнату приезжим из Ирана. Иранцы любят Ереван: можно зайти в бар, посетить модный клуб, одеться современно, не боясь осуждения. «И зачем только армяне уезжают в Америку?» – они спрашивают об этом Сильвию.

«В Америке люди получают пособия, – пытается объяснить Сильвия. – Американское правительство обеспечивает им старость. А здесь, в Армении, никак не могут определиться с прожиточным минимумом. Для одних – пожизненная картошка с соленьями, для других – поездка на выходные в парижскую Гранд оперу. Вот армянское правительство и оказалось в очень трудном положении. Ведь вы сюда приезжаете с большими деньгами, –

продолжает Сильвия всякий раз намекая на то, что за комнату могла бы запросить и подороже. – А у наших денег нет. Чем мы хуже других?».

Иранцы соглашаются: «Да, в Армении без денег тоскливо как-то. Восточные базары, дорогие супермаркеты, масса развлекательных заведений. Для кого все это построено?». Но Сильвия и этому находит свое объяснение: «Она вот квартиру сдает в аренду, а правительство – всю страну. Как называют теперешних хозяев Армении? Инвесторами. Вот они и хозяйничают, как хотят».

«Кстати, ваших богачеев тут много, – добавляет она не без ехидства. – Жаль только ереванцев становится все меньше и меньше. Сколько народу-то уехало. – Сильвии горестно говорить об этом. – Вспоминают ли они свою улицу, снится ли она им?».

«Снится ли она, как снилась Баграту, когда тот, совсем мальчишкой, оказался в плену у азеров. Бежав из плена, двенадцать лет скитался по белу свету вдали от своего дома. Теперь он выходит на улицу, за которой тупик и заброшенный завод, выходит, чтобы убедиться, что это не сон. Он проходит ее пешком до основной магистрали, останавливает маршрутку, чтобы доехать до работы в другой конец города. По выходным заходит в бар, встретив милую девушку, – здоровается»:

– Привет, красавица, почему у нас такие грустные глаза?

Девушка не отворачивается. Она знает, что Баграт – герой карабахской войны и что он долго возвращался на эту, ничем неприметную, улицу. Девушка улыбается Баграту, чтобы не расстраивать. Сколько героев не вернулось с этой войны, чтобы каждый мог жить на своей улице. Сколько?

Как-то Баграт сказал:

– Что бы о тебе ни говорили, поверь, ты – счастливая. Ты живешь на своей улице.

Девушка молчит, потом соглашается и думает про себя: «Почему он не встретился мне раньше?» Ей впервые захотелось поверить мужчине.

Теперь весна, середина мая. И как же пахнет вокруг сиренью.